

УДК 821.511.131.09

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-607-615

**Особенности крестьянской литературы
в этнографических очерках Г. Е. Верещагина.
К вопросу о генезисе удмуртской художественной словесности**

В. М. Ванюшев

*Удмуртский Федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
г. Ижевск, Российская Федерация,
vvanushev@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в сравнительном ключе в рамках генезиса удмуртской литературы рассматриваются особенности крестьянской литературы в этнографических очерках первого удмуртского учёного и писателя Г. Е. Верещагина.

Цель исследования: в указанных рамках проанализировать характерные черты этнографических очерков Г. Е. Верещагина.

Материалы исследования: элементы удмуртской крестьянской литературы в структуре этнографических очерков Г. Е. Верещагина.

Результаты и научная новизна: крестьянской литературой принято считать первые печатные публикации художественно значимых текстов народного происхождения, т. к. носителями сознания в них были, как правило, крестьяне и грамотные люди, сочувствовавшие им. В России такие тексты зафиксированы в конце XVII – начале XVIII веков. Благодаря усилиям академиков Х. Паасонена и А. А. Шахматова, в конце XIX в. широкую известность получила мордовская крестьянская литература на эрзянском и мокшанском языках. В истории изучения словесной культуры удмуртов нет специальных исследований крестьянской литературы. Однако в этнографических очерках первого удмуртского учёного и писателя Г. Е. Верещагина (1851 – 1930) обнаружено немало текстов, носителями сознания в которых являются крестьяне. В совокупности они, словно пунктиром, прочерчивают пути формирования прозаических жанров удмуртской художественной литературы.

Научная новизна исследования обнаруживается на трёх уровнях: выявления элементов крестьянской литературы в период формирования национальной письменной художественной словесности удмуртов; особенностей этого явления по сравнению с подобными феноменами в других национальных литературах; роли удмуртской крестьянской литературы в творческом росте первого удмуртского писателя Г. Е. Верещагина.

Ключевые слова: крестьянская литература, этнограф, информанты, писатель, носитель сознания, жанры художественной прозы.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006 P_a.

Приношу слова благодарности рецензентам, ознакомившимся с данной работой и одоббившим её к печати

Для цитирования: Ванюшев В. М. Особенности крестьянской литературы в этнографических очерках Г. Е. Верещагина. К проблеме генезиса удмуртской художественной словесности // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 607–615.

**Peculiarities of peasant literature in G. Ye. Vereshchagin's ethnographic essays.
To the question of genesis of Udmurt artistic literature**

V. M. Vanyushev

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS,
Izhevsk, Russian Federation,
vvanushev@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the peculiarities of peasant literature in the ethnographic essays of the first Udmurt scholar and writer G. Ye. Vereshchagin are analyzed in the comparative aspect within the framework of the genesis of Udmurt literature.

Objective: to analyze the typical feature of G. Ye. Vereshchagin's ethnographic essays.

Research materials: the elements of peasant literature in the structure of G. Ye. Vereshchagin's ethnographic essays.

Results and novelty of the research: under the term «peasant literature» is usually understood the first publications of texts with artistic value written by people of lower social status, because they represented the views of peasants

and literate people who shared their values. In Russia the texts of this type were recorded in the end of XVII – the beginning of XVIII centuries. Due to the academicians H. Paasonen and A. A. Shakhmatov, in the end of XIX century the Mordovian peasant literature in the Erzya and Moksha languages became popular. There is no research on the Udmurt peasant literature, but the ethnographic essays of the first Udmurt scholar and writer G. Ye. Vereshchagin (1851–1930) contain a number of texts, representing peasants' viewpoints. Together they outline the ways of formation of prose genres of Udmurt literature.

The novelty of the research is revealed at three levels: finding out the elements of peasant literature in period of formation of the Udmurt literature; comparing this trend with similar phenomena in other ethnic literatures; the role of peasant literature in creative development of the first Udmurt writer G. Ye. Vereshchagin.

Key words: peasant literature, ethnographer, informants, writer, representative of consciousness, genres of prose.

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the RFBR and the Udmurt Republic in the framework of the scientific project № 18-412-180006 P_a.

For citation: Vanyushev V. M. Peculiarities of peasant literature in G. Ye. Vereshchagin's ethnographic essays. To the question of genesis of Udmurt artistic literature // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2018; 8(4): 607–615.

Введение

Крестьянская литература является началом формирования письменной художественной словесности. Она берет своё начало в XIII – XIV вв. с записей и публикаций народных песен, баллад и сказаний самими грамотными крестьянами или сочувствующими крестьянам во Франции, Германии и других странах Западной Европы. «Особенную популярность получил цикл баллад, посвящённых легендарному разбойнику Робин Гуду – любимому герою английского народа» [13].

Крестьянская литература на русском языке рассмотрена со времён феодально-крепостнической эпохи страны. Утверждается, что российская крестьянская литература создавалась главным образом другими слоями населения, в первую очередь дворянством. Былины, например, «один из любимейших крепостным людом жанров устной поэзии, в некоторых случаях явно окрестьяненные (былины об Илье Муромце), и по своей идейно-психологической направленности, и по форме – бесспорно не крестьянский жанр, – утверждают авторы энциклопедической статьи. – Его корни находятся несомненно в социальных “верхах”, в общественном бытии военно-служащих, придворно-княжеских и буржуазных групп» [14]. Подобное видится и в жанре сказки, «с той лишь разницей, что в её приспособлении к собственным потребностям крестьянство проявило несравненно большую самостоятельность и оригинальность: сказка не только своеобразно окрестьянивается, но и творится заново» [14].

Считается, что из всех жанров устной поэзии крестьянство самостоятельно создало лишь пословицу, заговоры, производствен-

но-трудовую, обрядовую и в особенности бытовую и разбойничью песню. Недовольство и возмущение крепостного крестьянства, по-видимому, создавало и произведения огромного социального пафоса. Об этом свидетельствуют обнаруженные впоследствии рукописи безымянных авторов. Среди них называют, в частности, тексты, найденные в рукописных списках XVIII в. будущим ректором Московского университета Н. С. Тихонравовым и опубликованные им под названием «Плач холопов» в 1859 г., а также стихи, извлечённые В. И. Снежневским из дела «О побеге в 1787 от князя Николая Сергеевича Долгорукова дворового его человека» и обнародованные в 1890 г. «Формально они представляют собою подражания былинно-песенному сказу; но в них с предельной полнотой выражались настроения передового крестьянства», – утверждает в рассматриваемой нами статье. И далее: «Если в устной поэзии крестьянство феодально-крепостной эпохи создало ряд ярких разбойничьих и бытовых песен и стихов вроде “Плача холопов”, отражающих его социальную направленность, то в письменной поэзии, в литературе крестьянство достаточного выражения не получило» [14].

По мнению авторов статьи, крестьянская литература данной эпохи представлена почти единственным именем Ив. Варакина и в некоторой мере – М. Цыганова. Это обстоятельство авторы статьи объясняют не только полной невозможностью для крестьянина пробиться в литературу, но и тем, что выходцы из крестьянства, пробиваясь в литературу, теряют связь со своим классом. «Меньшинство их, вроде Ломоносова и Кострова, наиболее органично впитав дворянскую идеологию, нашло для её художественного осуществления и соответ-

ствовавшую форму и они вошли в «пантеон» основных творцов русского классицизма» [14].

На рубеже XIX – XX вв. широкую известность получила созданная на эрзянском и мокшанском языках мордовская крестьянская литература – переходная форма национальной книжной словесности от фольклорной стадии развития к литературной. Создавали её одарённые представители крестьянства или выходцы из среды национальной сельской интеллигенции. На первых порах сочинения в виде народных рассказов, воспоминаний, исторических и других преданий, поэм сказового типа («мор») в основном распространялись устно. Затем их стали записывать русские и зарубежные исследователи и публиковать в научных сборниках как образцы мордовского устного народного творчества. Как отмечается, историко-литературное значение имеет творческое наследие И. Н. Зорина – автора около 30 поэм-сказов. По его материалам финский академик Х. Паасонен составил обширный том «Мордовской народной поэзии», который издан в Хельсинки в оригинале и на немецком языке [15; 16]. Будущий ректор Московского университета, русский академик А. А. Шахматов на материалах, собранных им при содействии помощников-энтузиастов в двух чисто мордовских селениях Сухой Карбулак и Оркино Саратовского уезда, составил и в 1910 г. издал в Санкт-Петербурге высоко оценённый наукой том под названием «Мордовский этнографический сборник» [1], содержащий богатую коллекцию крестьянской литературы.

Подобные жемчужины в удмуртской словесности, к сожалению, до сих пор никогда серьёзно не рассматривались как крестьянская литература.

Материалы и методы

Материалом исследования являются этнографические очерки первого удмуртского учёного и писателя Г. Е. Верещагина (1851–1931). Используются главным образом историко-сопоставительный, междисциплинарный, художественно-аналитический методы исследований.

Результаты

Целью статьи является выяснение особенностей удмуртской крестьянской литературы. Для этого выбираются образцы крестьянской литературы из этнографических трудов

Г. Е. Верещагина, анализ которых проясняет, что в них по мере его жизни и творчества всё больше обнаруживаются характерные черты письменной художественной литературы, а сам автор становится творцом сочинений и литературных жанров.

Главная проблема наших исследований – Этнографические очерки Г. Е. Верещагина как научно-художественные синкретичные сочинения, в недрах которых постепенно складывались жанры письменной литературы.

После издания монографии «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» [2] выяснилось, что первый удмуртский учёный и писатель, пользуясь данными, полученными от своих информантов, почти все из которых составляли крестьяне-удмурты, обильно использовал от их имени изложенные, зачастую субъектно выстроенные материалы, решая свои этнографические задачи. Особенностью этих текстов является то, что они, составляющие по сути удмуртскую крестьянскую литературу, хотя изложены в публикациях учёного и писателя в основном на русском языке, стали первоначальным этапом формирования ряда жанров национальной письменной художественной литературы. Это наглядно прояснилось после издания пяти первых книг шеститомного собрания сочинений Г. Е. Верещагина Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН в 1995 – 2004 гг. [7; 8; 9; 10; 11].

Автор трудов в своих прижизненных изданиях этнографической диалогии «Вотяки», как теперь принято называть его первые публикации [3; 4] и сам пытался как-то располагать материалы с указанием некоторых жанров словесного творчества: «Сказки», «Рассказы», «Поверья и предания», «Байки», «Песни», «Загадки» и т. д., хотя его классификация не соответствует современным требованиям.

Творческий путь Г. Е. Верещагина представляет собой движение от научно-художественных синкретических сочинений – к литературным жанрам. Диалогия «Вотяки» свидетельствует, что первоначальный замысел автора явно тяготеет к научному исследованию. Однако элементы художественно-описательного, образного восприятия отображаемого объекта ощутимо присутствуют во всех частях сочинения. Нередко они, задуманные как примеры, подтверждающие научные размышления автора, приобретают заметные признаки художественных произведений.

В тексте «Замечания о Сосновском крае», записанном со слов «престарелого вотяка с. Сосновки *Захара Кондратьева*»¹, речь идёт о географическом положении этого поселения, этническом составе населения края и его истории. Этнографическое назначение этого фрагмента, включённого в ход научных размышлений автора, состоит в том, чтобы показать, в какие времена и как мигрировали в эти края предки нынешних удмуртов. Поднимаются проблемы взаимоотношения между удмуртами и русскими той поры. В микросюжете есть своя завязка. Следуя бытующей легенде, повествователь говорит о том, что «закамское начальство получило указ о заготовке листовничного леса для сплава по реке Каме. Такой лес, говорили, нужен на постройку кораблей. Эту тяжёлую работу должны были выполнять закамские удмурты. Но жестокого обращения со стороны начальства они не выдержали и решили во что бы то ни стало бежать. «И вот, улучив время, переправились с семьями и рухлядью за реку Каму, скрылись в непроходимых лесах» [7; 18], оказались первыми поселенцами Сосновской стороны. В этом отрывке показан конфликт между удмуртами и существовавшей властью. В конце микросюжета наличествует развязка. В ней рассказывается о мирной, спокойной жизни удмуртов после бегства от начальства, т. е. в Сосновской стороне.

Действующие лица в данной мини-легенде не индивидуализированы. Персонажи обозначены, исходя из социологических и этнографических принципов. Они сгруппированы по типам: социальному (крестьяне и власти) и национальному (русские и удмурты). Так как русские говорили на официальном государственном языке и принадлежали к поощряемой властями и официальной церковью вере, то они чаще всего в глазах язычников-удмуртов презентовали власть. И здесь начальство составляют русские. Они, пользуясь своим положением, издеваются над удмуртами. Повествователь говорит: «Начальство начало гнать вотяков», «начали там обременять работами», «смотрители обращались жестоко» – тем самым придавая повествованию тон осуждения поведения начальствующих русских. Совсем другое отношение выражает автор к удмуртам. Информант, вслед за ним и автор диалогии, противопоставляют бесцеремонной наглости русских религиозность, трудолюбие, терпение удмуртов. Автор выступает на стороне удмуртов, осуждая

властвующее над ними русское начальство. Микросюжет служит не только подтверждением факта, откуда и когда пришли удмурты в Сосновский край, но и является частицей зарождавшейся национальной литературы, в частности такого её жанра, как художественный очерк, отличающийся своей публицистичностью. А «просеивание» жизненного факта, «образа жизни» через эмоциональную оценку – это уже черта литературного творчества. Такие конструкции можно встретить в разных частях диалогии Г. Е. Верещагина.

В разделе «Рассказы» первой книги диалогии оказались главным образом былички – повествования о случаях встречи людей с духами потустороннего мира. Ссылки носителей речи (автор-повествователя, информантов, персонажей и т.д.) на конкретных людей, оказавшихся свидетелями и участниками происшествий, усиливают кажущуюся достоверность случившегося.

Микросюжет «В д. Кыкве», созданный со слов *Василия Петровича Фролова* и включённый в ход этнографических рассуждений, начинается повествованием от имени автора: «Говорило предание, что у ворот двора одного кыквинского вотяка хранится котелок с деньгами. Заветом будто бы требуется одна человеческая голова. Сосед того удмурта, у ворот которого находится клад, ночью решил его раскопать. Это было летом; ночью тогда было не очень темно» [7, 119]. Обозначено событие, знаменующее начало развития действия. Это завязка. Повествователь знакомит с заветом, который должен выполнить Иван, главный герой рассказа, уточняет место и время событий. Мы узнаём, что «это было летом», повествователь уточняет и время суток, «ночью», как бы напоминая, что именно это время суток связано с появлением нечистой силы среди людей. О том, что это представитель потустороннего мира, мы можем догадаться, прочитав следующее место из текста: «Явился к нему седой старик». Повествователь мог бы сказать «пришёл старик», а он говорит «явился». А потом этот старик исчез, как дым. Не «ушёл» или, например, «вышел», а «исчез», как сказано в тексте.

Конфликт и его развитие, которые должны быть в художественном тексте, тоже присутствуют в данном сюжете. Он строится на взаимоотношениях человека с мифологическим существом. С одной стороны, Иван знает, что по завету,

¹ Здесь и далее имена информантов выделены автором статьи. – В. В.

чтобы взять клад, надо убить человека. Этот завет не выполнимый для Ивана психологически. Он не решается убить человека. С другой стороны, с целью обогащения он готов выкопать этот клад, минуя заветы предков. Автор раскрывает внутренний мир героя, его неуверенность в действиях, зависимость от потустороннего мира, страх перед неведомой силой. Страстное желание найти клад и боязнь убить человека вводят его в замешательство. Это уже внутренний конфликт, психологический. «Вдруг кто-то с крыши кричит ему: “Что ты делаешь?” Иван испугался и, высыпав гальки обратно в яму, поспешно зарыл и ушёл домой» – подчёркивает автор. Заметим: Иван, испугавшись голоса, «поспешно зарыл» клад. Можно сделать вывод, что внутренне герой был готов к этой встрече. Он был настолько уверен, что это представитель потустороннего мира, что даже не оглянулся по сторонам, не вступил с этим «голосом» в разговор, а «высыпав гальки обратно в яму, поспешно – подчёркивает автор – зарыл и ушёл домой». Но и дома Иван всё ещё думает о кладе. Ход его мыслей нам не ведом. Однако можно предположить, что герой думает о завете, который он не выполнил, поэтому клад ему не дался. И не удивительно, что к Ивану уже у него дома будто бы явился седой старик и стал упрекать его в том, что он «ходил без подарка», т.е. не выполнив завет. После встречи с мифологическим существом главного героя стала трясти лихорадка, и он пролежал две недели. Эти слова являются свидетельством завершения конфликта, в котором столкнулись, с одной стороны, седой старик, ставший как будто от имени высших нечистых сил хранителем клада, а с другой – Иван, посмеявшийся вырыть клад, не выполнивший завет и впоследствии наказанный за своё непослушание. Таким образом, микросюжет воспринимается как отдельное произведение, мини-рассказ со своей завязкой, кульминацией и развязкой. Здесь есть конфликт и его разрешение. Характер главного героя в этом рассказе самораскрывается – и не только в действиях, но и в слове. Верещагин использовал для этого внутренний «монолог» героя. «Что за диво! – думает вотяк. – В земле они деньги, а в руках – гальки». В тексте выступают элементы психологизма, движения души удмуртского мужика.

Все события в тексте происходят в течение двух недель. Мы не знаем, что предшествовало этому событию и что будет после двух недель с Иваном. Небольшой срок действий, как и небольшое количество персонажей, – это тоже

одна из особенностей жанра рассказа. Рассказ – малая эпическая форма. Он отличается меньшим объёмом, чем повесть, сосредоточен на изображении какого-либо одного события, обычно в жизни одного лица, причём нередко раскрывает какую-нибудь одну его черту.

Во второй книге дилогии «Вотяки» немало повествований о встрече людей с мифологическими существами. Научное назначение сюжета «Вумурты» (букв.пер.: «Водолюди») заключается в том, чтобы показать: эти существа, как и другие представители мифологического мира, занимали большое место в сознании удмуртов. В образах Вумурта, как и Нюлэсмурта (букв.пер.: Лесочеловека), много чисто человеческих, бытовых черт. По представлениям удмуртов, эти божества леса и воды находились с ними в родственных отношениях. Они могли навещать людей, иногда люди попадали к ним в гости. Могли породниться друг с другом. Об этом и повествуется в сказке «Вумурты», записанной со слов информанта *Елизара Евсеева*. В конце текста автор книги добавляет: «Сказка эта <...> вотяками выдаётся за рассказ, основанный на действительных фактах» [8, 177]. Повествование начинается традиционно со слов: «Жили-были два соседа. У обоих было по одной дочери. Выросли у них дочери и стали невестами» [8]. Одна из них вышла замуж, а другую никто не берёт, хотя она красавица из красавиц. Отец девушки сильно огорчён. Далее в тексте следует событие, которое кладёт начало активному действию. Отец девушки говорит: «Хоть бы чёрт пришёл сватать мою дочь». На следующий день приходят сваты – в богатых нарядах, как городские купцы. Следует обширный текст, рисующий и свадьбу, и жизнь околдованных вумуртами людей под водой как на земле, и разочарование от того, что всё было обманом. Момент, когда родные узнают о том, что они выдали дочь за Вумурта, является острейшим в развитии сюжетного действия, высшей точкой внутреннего конфликта. С одной стороны, родители были рады, что выдали дочь за жениха-купца, с другой – огорчены тем, что сваты оказались нечистой силой. Дальнейшее развитие действия протекает в неоднократных перипетиях.

Как в литературном произведении, в частности в рассказе, здесь есть свой сюжет. Автор раскрывает характеры героев через поступки. Главных героев, как и в рассказе, небольшое количество. Однако это обобщённые типы, как обычно бывает в сказках: мужик, бабушка невесты и мифологические существа – вумурты.

Такие тексты в диалогии готовили письменную культуру народа к более расширенным формам прозы.

Самыми близкими к письменным рассказам по содержанию и форме в диалогии Г. Е. Верещагина оказались так называемые «устные рассказы». Это впервые сообщённые Краеведу-исследователю ещё слабо выраженные в художественном отношении прозаические повествования о реальных событиях, о делах людей, современником или непосредственным участником которых был сам носитель речи. Примером может служить текст, созданный учёным и писателем по рассказу информанта *Ивана Чермянина* и названный «О двух братьевых». С точки зрения структуры он подан как детективная сказка, состоящая из двух частей. Первая представляет собой вариант сюжета о спящей царевне и семи богатырях, включающий немало параллелей из других сказок и реалистических деталей современной для рассказчика жизни. Вместо семерых богатырей в лесу оказались двенадцать разбойников, которые тепло приняли дочь богатого купца Алёну, брошенную в лесу своим братом на погибель. Пройдя через ряд унижений и смертельных страхов от своих родных и чужих людей, Алёна через немало лет, в мужском костюме, неузнанная, оказывается в богатом доме своего отца и по просьбе собравшихся, среди которых были и её мучители, рассказывает «сказку». Здесь появляется будто бы второй субъект речи. Во второй части произведения автор полностью предоставляет слово «работнику» хозяина дома, который к ужасу своих слушателей из слова в слово повторяет весь сюжет части первой и открывается, что «он» и есть та самая Алёна, которую некогда пытались уничтожить её слушатели.

Сюжет не традиционный. Такие типы рассказов преобладают в репертуаре одного информанта, они не вариативны, представляют собой индивидуальное сочинение с художественным вымыслом. Он уже совсем близок к привычным для нас детективным рассказам. Возможно сказать: авторами его стали крестьянин Иван Чермянин и этнограф-краевед, будущий писатель из крестьян Г. Е. Верещагин.

Помимо фольклорной собирательской деятельности, Г. Е. Верещагин был наблюдателем многих удмуртских обычаев, традиций, иногда сам принимал участие в таких праздниках и нередко оформлял свои впечатления в виде занимательных очерков. К числу таких относится

и искусно выстроенный сюжет «Гуждор» [7, 53] о том, как по приглашению крестьянина деревни Кайсыгурт Назара Васильевича автор сочинения, учитель Сосновской сельской школы, побывал на весеннем празднике, называвшемся словом, вынесенным в заголовок сочинения, что переводится на русский язык как «Лужайка». Непринуждённо, вольно текущий сюжет рассказа (многие признаки этого жанра здесь присутствуют) наполнен этнографическими сведениями. По дороге из Сосновки в Кайсыгурт в повозке, присланной кайсыгуртским крестьянином, учитель выведывает у молодого парня-ямщика, мыслями уже присутствующего на празднике, некоторые традиционные подробности обрядовых действий Гуждора. Затем идёт описание встречи автора-повествователя с пригласившим его богатым крестьянином-удмуртом в его двухэтажном доме с небедной домашней утварью. Главное место занимают события на самом празднике. По полевой тропе из деревни на место будущих торжеств перед героями разворачивается панорама ржаного поля, полукругом окаймлённая рощей, а в конце тропы, перед густой стеной хвойного леса, на вершине холма выделяется высокая ель, из-под которого вьётся слабый дымок. Здесь и состоится Гуждор.

Главным героем повествования является сам автор, участник событий. Сельский учитель, увлечённый изучением народных традиций, наблюдает за одновременными действиями разных групп людей – поваров, крутящихся у больших котлов; девушек, потчующих гостей; детей, резвящихся чуть в стороне; стариков, чинно восседающих недалеко от котлов... Все они обозначены по группам. На мгновения выделены лишь отдельные личности: девушка, угостившая повествователя пьянящим напитком домашнего приготовления и похвалившая учителя за то, что пришёл на Гуждор; мужчина с трубкою во рту, подсказавший, что за угощение кумышкой девушкам надо платить, и одолживший не знавшему об этом гостю несколько монет; мужчина-русский, подошедший к учителю с осуждением «вотяков» за то, что они под ёлкой кланяются своим богам... Несмотря на небольшие неприятности, с лёгким сердцем заканчивает автор своё повествование: люди помолились своим богам, попросили у них обильного урожая, выразили своё уважение к ним.

Такого рода сочинения пробудили, по-видимому, в этнографе тягу к более серьёзному литературному творчеству. Он постепенно

становится крестьянским писателем. Первым произведением на этом пути возможно считать развёрнутый очерк репортажного типа «Встреча Великого князя в Завьялове» [8, 123], помещённый во вторую книгу дилогии «Вотяки». Сюжет повествует о встрече высокопоставленной особы из царской семьи, проезжавшей через село Завьялово с камской пристани Гольяны на Ижевский завод и обратно. Встреча была обустроена как обряд. Однако это был не традиционный обряд, а импровизация местных властей, своего рода суррогат официального этикета и народных обычаев. Тем не менее, зарисовка вписывается в общий замысел книги «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии». В ней нашли отражение психология и поведение завьяловских удмуртов и русских, проживавших в селе, на этот раз в нетрадиционной, несколько необычной, чрезвычайной обстановке. В этом и заключается этнографическое значение сюжета. Интересен он и в литературоведческом плане – прежде всего динамикой временных и пространственных точек зрения присутствующего автора-повествователя на общую картину события.

Представляет интерес путь этнографа-писателя к созданию повести «Вужмыж» («Ранее обещанная жертва») [11, 261–350]. Сначала он написал и опубликовал в краеведческой периодике портретные очерки «Камай: (Из быта вотяков)» [5] об удмуртском Вэясе (жреце) с богатыми знаниями традиционных обрядов, активным поведением поддерживавшем свой немалый авторитет в окружающих деревнях, «О Тукташе-сказителе» [6] о беднейшем отшельнике-старике, получавшем скудные подачки от крестьян за свою ворожбу. Впоследствии писатель-этнограф ввёл немало других персонажей, придумал сюжет поиска места, где «старик» раньше совершали обряды жертвоприношения своим богам, чтобы исполнить то обещание всевышним, которое было дано и не выполнено немало лет назад предшественниками, из-за чего теперь и разразилась засуха. В тексте немало вставных сюжетов, былиц и небылиц, воспоминаний о прошлом, сказок, мифов, излагаемых и главными, и второстепенными персонажами. В нём присутствует даже отдельная глава «Ночь повествований», идейное значение которой просматривается в подсказке автора читателю мысли о том, почему люди так легко поверили тому, что наговорили им гадальщики-ворожеи и поднялись на небывалые поиски старого места жертвоприношений.

Впоследствии, приняв сан священнослужителя православной церкви, Г. Е. Верещагин обратился к библейским сюжетам и образам Нового Завета, с опорой на них сочинил две известные нам поэмы (ещё две считаются потерянными) сатирического направления на русском языке о жадных скопидомах и пьяницах – «Скоробогат-Кашей» [11, 211–260] и «Загубленная жизнь» [11, 179–210], высоко оценённые ныне литературоведением. В них также используются сюжеты народных сказаний, записанные в пору интенсивного занятия этнографа и писателя формированием удмуртской крестьянской литературы, в частности любимый удмуртами апокриф о встрече Господа с собирающими на придорожных цветах мёд осой, шмелём и пчелой, первая из которых на просьбу поделиться с ним лакомством ответила, что у неё и у самой его нет, второй – что у него и у самого его мало, третья щедро угостила проходящего «человека», готова была дать ему своё угощение с собою. Пусть всегда так и будет, сказал проходящий. Так на самом деле и стало на все времена.

Учёный, писатель и просветитель в Г. Е. Верещагине стали неделимы.

Обсуждение и заключения

Г. Е. Верещагин, сын многодетного крестьянина-удмурта из села Полом Глазовского уезда Вятской губернии, учитель по образованию, выдающийся удмуртский писатель и учёный, Краевед с большой буквы [17], впоследствии ставший православным миссионером и священником в церкви, «целый научно-исследовательский институт», как справедливо называют его теперь в Удмуртии [12], автор стихотворений, пьес, поэм на удмуртском и русском языках. Большой творческий путь прошёл этот человек, но начинал он его как крестьянский писатель.

Автор данного исследования считает, что такое своеобразное явление, как формирование литературных жанров в письменной художественной словесности удмуртов в рамках этнографических очерков, представляет собой определённого рода уникам. Выведать этот путь, по-видимому, настало время. Важно это не только для более глубокого познания особенностей творческого наследия Г. Е. Верещагина, но и выявления новых, досель не тронутых пластов генезиса всей национальной литературы.

Такой аспект истории удмуртской художественной словесности до сих пор по сути остался нетронутым, тогда как в реальности он

явно присутствует. Яркие черты крестьянской литературы так и сверкают, например, и в стихотворениях, вошедших в раздел «Жомо-югдо дырья» («Во времена полутьмы») первого сборника «Крезьчи» («Гусляр», 1922 г.) другого выдающегося удмуртского учёного и поэта Кузёбая Герда (К. П. Чайникова, годы жизни 1898 – 1937), в которых выражена бездонная тоска от того, что все народы кругом просыпаются от векового сна, только удмурты спят непробудно, поэтому лирический герой со своим единственным другом, удмуртским *крезем* (гуслиями) ходит по лугам, полям и деревням, пробуждая народ, выражая его тоску и горе. В рамках поэтики крестьянской литературы написаны баллада М. Можгина «Беглой» («Беглый»), увидевшая свет ещё в 1909 г., рассказ И. Дядюкова «Пашка Педор» («Пётр Пашкин», 1925). Свойства крестьянской литературы обнаруживаются в ряде сочинений других авторов – вплоть до утверждения мето-

да социалистического реализма в национальной литературе. Эти проблемы требуют тщательного научного анализа.

Студентка Удмуртского государственного университета Юлия Шестакова, выполняя учебные задания, в четырёх книгах Собрания сочинений Г. Е. Верещагина выявила 45 информантов из более чем 20 починков, деревень и посёлков из 4 нынешних районов Удмуртии. Более всего сделано записей в Сосновской стороне, в нынешнем Шарканском районе Удмуртской Республики, где Г. Е. Верещагин работал учителем. Студентка вычленила тексты, созданные учёным и писателем с помощью информантов. Они были соавторами Г. Е. Верещагина в создании жанров формировавшейся национальной литературы и её самой. Эти тексты непременно следует издать. Удмуртская крестьянская литература и имена её соавторов имеют право и должны быть обнародованными.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А. «Мордовский этнографический сборник» А. А. Шахматова как источник изучения эрзянских диалектов // Финно-угорский мир. 2016. № 1. С. 12–18.
2. Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 296 с.
3. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1886. 218 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XIV. Вып. 2).
4. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1889. 202 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XIV. Вып. 3).
5. Верещагин Г. Е. Камай: (Из быта вотяков): Приложение к Вятским губернским ведомостям. Вятка, 1904. № 56.
6. Верещагин Г. Е. О Тукташе-сказителе // Вятский вестник. 1906. № 106. С. 22–29.
7. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995, 260 с.
8. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 260 с.
9. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1 / Под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 311 с.
10. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Вып. 1 / Под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 251 с.
11. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 5. Литературные сочинения / Под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 416 с.
12. Владыкин В. Е., Загребин А. Е. Торо удмуртской этнографии // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья. Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 19–23.
13. Крестьянская литература. URL: <https://history.wikireading.ru/77250>. (дата обращения: 14.07.2018).
14. Крестьянская литература. Русская феодально-крепостническая эпоха // Литературная энциклопедия. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le5/le5-5542.htm>. (дата обращения: 16.07.2018)
15. Крестьянская литература. URL: [WWW.mordovia.info/wiki/Крестьянская литература](http://WWW.mordovia.info/wiki/Крестьянская_литература). (дата обращения: 26.07.2018).
16. Paasonen H. Proben der Mordwinische Volksdichtung // Gesammelt von H. Paasonen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1889–1912.
17. Vanjushev V. M. «The main commitment», or an educational focus of the life and activities of G. E. Vereschagin (1851–1930) // Ванюшев В. М. Вязь идей, времён, событий: избранные труды. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2016. С. 95–108.

References

1. Agafonova N. A. «Mordovskij etnograficheskij sbornik» A. A. Shahmatova kak istochnik izuchenija jertzjanskijh dialektov [«Mordovian ethnographic collection» of A. A. Shakhmatov as a source of study of Erzya dialects]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2016, no. 1, pp. 12–18. (In Russian)

2. Vanyushev V. M. *Tvorcheskoe nasledie G. E. Vereshchagina v kontekste nacional'nyh literature Uralo-Povolzh'ja: monografija* [The creative heritage of G. E. Vereshchagin in the context of national literature of the Ural-Volga region: monograph]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1995. 296 p. (In Russian)
3. Vereshchagin G. E. *Votyaki Sosnovskogo kraja* [The Votyaks of Sosnovsky lands]. Saint-Peterburg: tip. M-va vnutr. Del Publ., 1886. 218 p. (*Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniju jetnografii. T. XIV. Vyp. 2.* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society of Ethnography Department. Vol. XIV. Iss. 2]). (In Russian)
4. Vereshchagin G. E. *Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii* [The Votyaks of Sarapul Uyezd in Vyatka Guberny]. Saint-Petersburg: tip. M-va vnutr. Del Publ., 1889. 180 p. (*Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu ehtnografii. T. XIV. Vyp. 3* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society of Ethnography Department. Vol. XIV. Iss. 3]). (In Russian)
5. Vereshchagin G. E. *Kamaj: (Iz byta votjakov): Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostjam* [Kamaj: (From the life of the Votyaks): Appendix to the Vyatka Province News]. *Vyatka* [Vyatka], 1904, no. 56. 58. (In Russian)
6. Vereshchagin G. E. *O Tuktashe-skazitele* [About the Tuktash-Storyteller]. *Vyatskij vestnik* [Vyatsky Vestnik], 1906, no. 106, pp. 22–29. (In Russian)
7. Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenij v 6-ti tomah. T. 1: Votyaki Sosnovskogo kraja* [Collection of works in 6 volumes. Vol. 1: The Votyaks of Sosnovsky lands]. Ed. by V. M. Vanyushev. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1995. 260 p. (In Russian)
8. Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenij v 6-ti tomah. T. 2: Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii* [Collected works in 6 volumes. T. 2: The Votyaks of Sarapulsky Uyezd of Vyatka Guberny]. Ed. by V. M. Vanyushev. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1996. 260 p. (In Russian)
9. Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenij v 6-ti tomah. T. 3: Etnograficheskie ocherki. Kn. 1* [Collected works in 6 volumes. Vol. 3: Ethnographic essays. Book. 1]. Ed. by V. M. Vanyushev. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 1998. 311 p. (In Russian)
10. Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenij v 6-ti tomah. T. 3: Etnograficheskie ocherki. Kn. 2. Vyp. 1* [Collected works in 6 volumes. Vol. 3: Ethnographic essays. Book. 2. Vol. 1]. Ed. by V. M. Vanyushev. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2000. 251 p. (In Russian)
11. Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenij v 6-ti tomah. T. 5. Literaturnye sochineniya* [Collected works in 6 volumes. Vol. 5. Literary works]. Ed. by V. M. Vanyushev. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2004. 416 p. (In Russian)
12. Vladykin V. E., Zagrebin A. E. *Toro udmurtskoj etnografii* [Toro of Udmurt ethnography]. *G. E. Vereshchagin i jetnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ja* [G. E. Vereshchagin and ethno-cultural development of the peoples of the Urals-Volga region]. Izhevsk: UIIJaL UrO RAN Publ., 2004. pp. 19–23. (In Russian)
13. *Krest'yanskaja literature* [Peasant literature]. Available at: <https://history.wikireading.ru//77250> (accessed July 17, 2018). (In Russian)
14. *Krest'yanskaya literatura. Russkaya feodal'no-krepostnicheskaya ehpocha* [Peasant literature. Russian feudal era]. *Literaturnaya ehnciklopedii* [Literary encyclopedia]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le5/le5-5542.htm> (accessed July 16, 2018). (In Russian)
15. *Krest'yanskaya literature* [Peasant literature]. Available at: www.mordovia.info/wiki/Krest'yanskajaliteratura (accessed July 26, 2018). (In Russian)
16. Paasonen H. *Proben der Mordwinische Volksdichtung*. Gesammelt von H. Paasonen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura Publ., 1889–1912. (In German)
17. Vanyushev V. M. «*The main commitment*», or an educational focus of the life and activities of G. E. Vereschagin (1851–1930). *Vanyushev V. M. Vyaz' idej, vremyon, sobytij: izbrannye trudy* [Vanyushev V. M. Vyaz of ideas, times, events: selected works]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2016. pp. 95–108. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ванюшев Василий Михайлович, главный научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426004, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4) доктор филологических наук.
vvanushev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3449-960X

ABOUT THE AUTHOR

Vanyushev Vasily Mikhaylovich, Chief Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426004, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Lomonosov st., 4), Doctor of Philological Sciences.
vvanushev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3449-960X